

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, сессия 11, Послание к Евреям 12: 4-29: Граждане в обучении

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

В поисках плана и разбиения древнего текста на более-менее управляемые блоки материала мы склонны разрывать на части то, что древний автор пытался объединить. Таким образом, начало нового раздела с Евреям 12.4, по общему признанию, искусственно; результат моего собственного желания подчеркнуть, что типичный разрыв, который проповедники и ученые делают между 11.40 и 12.1, еще более проблематичен. Евреям 12.4 вполне естественно продолжает атлетические образы, которые автор начал обрамлять в стихах 1–3 главы 12, и быстро переходит в 12.5–11, в не совсем связанную тему тренировок или пайдеи, образования, весомым компонентом которого была спортивная подготовка в древнем мире.

Эта линза *paideia*, формирующее образование или обучение, является второй структурой, которую автор дает своим адресатам для рассмотрения их опыта враждебности их соседа. Это побуждает автора дать некоторые конкретные инструкции о том, как продолжать, а также некоторые инструкции относительно угрожающих ловушек, которых следует избегать в 12:12-17, все представлено как логическое следствие видения их ситуации через линзы состязания и формирующей дисциплины. В качестве поддерживающего обоснования принятия этих курсов действий автор представляет в стихах 18-24 своего рода суммарный контраст между тем, как раньше приближались к Богу, а именно среди строгих табу и с большим страхом и трепетом, с праздничным и уверенным подходом к вечному городу Бога, которым он удостоил адресатов.

В 12:25 автор начинает последнее предупреждение от меньшего к большему, призывая их не отворачиваться от говорящего с небес. За этим, в свою очередь, следует убедительное заявление об эсхатологическом ожидании автора в стихах 26-29, удаление видимого зыбкого царства, небес и земли, которые являются частью этого материального творения, и принятие верующего в пребывающее непоколебимое царство. Все это подкреплено довольно своеобразным толкованием Аггея, глава 2, стих 6. В свете предстоящего обещанного блага, принятия этого непоколебимого царства, единственный подходящий ответ, по мнению автора, - это проявление благодарности, как он увещевает в стихе 28.

Этот ответ благодарности он затем конкретизирует в 13 главе, стихах с 1 по 21, в практических и явных терминах. Если адресаты сохраняют ответ благодарности, они проявляют должное почтение к Богу. Автор напоминает им в стихе 29, что это действительно единственный мудрый курс действий, поскольку наш Бог есть огонь пожигающий.

И таким образом, с завершением главы 12 автор возвращается к тому намеку на угрозу, который проходит через всю проповедь, призывая адресатов бояться не проявить признательность, ответ верности и послушания, которые причитаются этому могущественному божественному покровителю. В 12, стихах 4-11, автор призывает слушателей принять вызовы их ситуации как формирующую дисциплину Бога. У нас уже была возможность, во вводной части, рассмотреть этот отрывок в связи с нашим исследованием уровня образования самого автора, поскольку этот отрывок демонстрирует хорошо известную модель аргументации, обычно изучаемую на уровне средней школы, так сказать, риторического обучения.

В этом сегменте мы сосредоточимся больше на вкладе отрывка в пастырские цели автора, в частности, на формировании восприятия слушателем их опыта. Он подводит к этому образу формирующей дисциплины в 12:4, продолжая атлетические образы, которыми он начал этот сегмент увещевания в 12:1 по 3. Соревнуясь в своей схватке с грехом, вы еще не сражались до крови. Автор переходит к другому событию в этом триатлоне веры, от бега в стихах 1 по 3 к некоторой форме боя один на один.

Вероятно, он имел в виду либо бокс, либо панкратион, не допускающий никаких ограничений, а не борьбу, которая, как правило, не доводит до крови. Это больше, чем просто указание на то, в какой степени адресаты страдали или, что еще более важно, не страдали за свои христианские убеждения до этого момента. Это попытка пристыдить слушателей, чьи страдания за свою верность Христу еще и близко не приблизились к страданиям Христа за них.

Как кто-то из них уже близок к обмороку или сдаче? Напоминание слушателям, что их боксерский поединок против греха, также риторически стратегично. Давление их соседей на них не является благотворным или благонамеренным. Они являются проявлением силы греха, пытающегося удавить их или заставить их покориться.

Заключение мира с неверующими на их собственных условиях отказа от общения с христианской группой становится позорным отказом в этом матче против греха. Автор использовал один распространенный риторический прием, атлетические образы, чтобы способствовать настойчивости в непопулярном курсе действий. Теперь он переходит ко второму такому приему.

Итак, в стихах с 5 по 11 мы читаем, что вы забыли и увещание, обращенное к вам, как к сыновьям и дочерям. Сын мой! не пренебрегай наказанием Господним и не ослабевай, будучи обличаем Им. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; наказывает же всякого сына, которого принимает.

Итак, терпите ради воспитательного наказания. Бог поступает с вами, как со своими сыновьями и дочерьми. Ибо есть ли какой сын или дочь, которых бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которому все причастны, то вы незаконные, а не законные дети.

Если мы имели наших биологических отцов как своих воспитателей и внимали им, то не тем ли более нам покориться Отцу духов и жить? Ибо они наказывали нас недолго, как им было угодно; Он же наказывает нас для нашей пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. И всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью. Но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности.

Трудности, которые община перенесла и продолжает переносить как цену упорства, здесь интерпретируются как родительская формирующая дисциплина Бога. В отрывке доминирует греческое слово *paideia* и родственные ему формы, которые встречаются не менее семи раз, усиливая эту интерпретационную линзу. Опыт отвержения миром, таким образом, стратегически трансформируется в знак принятия верующего в Божью семью.

Бог относится к ним как к сыновьям и дочерям, и их борьба — это средство, с помощью которого Бог формирует их характеры и наделяет их добродетелями, подходящими для будущих граждан города Божьего, царства, на пороге получения которого они находятся. Опыты позора и маргинализации становятся, по сути, доказательствами их почетного и благоприятного статуса в глазах Бога. Автор начинает этот сегмент увещания, цитируя Притчи 3, стихи 11 и 12, специально ссылаясь на этот текст, который устанавливает отношения отца-сына и отца-дочери между Богом и адресатами.

Здесь есть небольшое различие между еврейской версией Притчей 3 и переводом Септуагинты, греческим переводом того же текста. В еврейском тексте элемент аналогии гораздо яснее. Поскольку отец наказывает сына, которого он любит, Септуагинта затемнила качество аналогии, переведя стих таким образом: он наказывает каждого ребенка, которого он принимает.

Таким образом, стих становится свидетельством фактического усыновления Богом, а не полезной аналогией для описания Божьего наказания. Это изменение с еврейского на греческий делает текст еще более полезным для целей автора. В то время как сама Книга Притчей сформулировала карательную модель дисциплины, автор Послания к Евреям, как и большинство греко-

римских авторов и еврейских авторов, удаленных из Палестины, был склонен отдавать предпочтение пониманию Божьей дисциплины или обучения как формирующего или образовательного, а не карательного.

В стихах, которые следуют за чтением автором Притчей 3, 11 и 12, автор будет неоднократно говорить о *paideia*, формирующей дисциплине, но никогда не будет повторно вводить аспекты текста Притчей, которые ведут в карательном направлении, такие как быть обличенным или глагол *mastigoi*, он наказывает, который на самом деле основан на том же корне, который дает нам слово *whip*. Поразительный сравнительный текст для увещевания автора в этих стихах появляется в кратком обращении Сенеки о Провидении, *De Providentia*, где Сенека, латинский философ первой половины первого века, также говорит о терпении трудностей как о божественной родительской дисциплине. В этом трактате Сенека пишет, что мудрец является учеником Бога, подражателем и истинным потомком, которого этот великолепный родитель, не мягкий поборник добродетелей, воспитывает довольно строго, как это делают строгие отцы.

Бог воспитывает мудреца как сына. Бог испытывает, прощает и готовит мудреца к Богу. Самым впечатляющим является высказывание Сенеки о том, что, кого Бог одобряет и любит, Бог закаляет, проверяет и тренирует.

Сенека заходит так далеко, что сравнивает отцовское воспитание Бога с тем, как спартанские отцы публично пороли своих детей, демонстрируя достижение ребенком почитаемых добродетелей выносливости и мужества. Примечательно, что эта спартанская порка была не карательной, а доказательной. Это была демонстрация стойкости и формирования детей, а не наказание в каком-либо виде.

И у Сенеки, и у Евреев полностью отсутствует ощущение, что эти трудности обрушиваются на страдальцев, потому что они сделали что-то неправильно. Скорее, акцент делается на положительных плодах, которые мужественное выносливость таких испытаний произведет в ученике. Я останавливаюсь на этом, потому что важно, чтобы мы понимали, что автор не говорит слушателям, что они страдают, потому что Бог их наказывает, а потому что Бог их формирует и тренирует.

На основе своего чтения Притчей 3 автор продолжает увещевать слушателей еще раз терпеть с целью формирования дисциплины. Бог относится к вам как к сыновьям и дочерям. Акцент увещевания остается на стойкости, к которой автор уже неоднократно призывал адресатов, например, в главе 10, стихах 32 и 35, и совсем недавно в стихах 1–3 главы 12.

Автор развивает здесь свое увещание аргументативно, используя общую аналогию с опытом всех детей, воспитанных человеческими отцами. Ибо какой ребенок не воспитывается отцом? Он продолжает это интересным аргументом от противного. Если вы не имеете такого воспитания, которое разделяют все дети, вы незаконные дети, а не настоящие дети.

Автор проворачивает здесь довольно риторический ход. Он делает опыт порицания и потери, понесенные ради Христа, знаком благоволения и чести, и, что еще более поразительно, отсутствие таких трудностей знаком немилости и бесчестия, знаком того, что Бог не вкладывается в их формирование и формирование их характера так, как Бог сформировал характер сына *par excellence*, Иисуса, который научился послушанию через то, что он страдал, как мы слышали ранее в проповеди. Слушатель, несомненно, вспомнит собственный опыт Иисуса в участии в этой дисциплине, на котором автор останавливался в главе 5, стихах 7-10.

Слушатели призваны разделить этот опыт, чтобы они также могли иметь преимущества от разделения чести и добродетели сына. Поскольку они являются участниками дисциплины, они также являются участниками Христа в конечном состоянии славы. Возможно, не случайно автор повторяет здесь в 12.8 слово *metachoi*, которое он использовал ранее в главе 3, стихе 14, возможно, чтобы связать этот смысл, что разделение с опытом Христа, когда он был дисциплинирован, ведет к разделению со Христом в конечном состоянии славы.

Автор следует этому аргументу от противного с меньшим к большему аргументом, чтобы еще больше подкрепить свое увещание. У нас были наши биологические отцы в качестве наших тренеров, и мы подчинялись с почтением. Не должны ли мы тем более подчиняться отцу духов и жить? В этом различии между земными отцами и отцом духов есть своего рода встроенное обоснование, которое предполагает превосходство духов над плотью.

Бог как родитель есть один в большем и более конечном смысле, отец нашей жизни, нашей души, в отличие от того, чтобы быть просто отцом, который породил наше биологическое существование. И таким образом, Бог соответственно более достоин нашего благоговейного подчинения Божьему обучению, в отличие от нашего сопротивления этому обучению и попыток избежать его. Результатом такого подчинения является то, что мы будем жить.

И слушатели, вероятно, услышат здесь жизнь в том же смысле, в каком она была представлена немного ранее в главе 10, стихи 37-39. Автор имеет в виду не просто физическое существование как результат подчинения формирующей дисциплине Бога, но жизнь как эсхатологическое выживание. В 10:37-39 праведник живет верой в то, что только те, кто имеет веру, будут избавлены от эсхатологического катаклизма и будут жить с Богом в непоколебимой сфере.

Продолжая, автор снова противопоставляет земных родителей божественному родителю. Земные родители слушателей наказывали слушателей так, как им казалось лучше всего, на короткое время. Но Божья дисциплина абсолютно для нашей пользы.

Нет и намек на сомнения в ценности этой дисциплины, в отличие от дисциплины земных родителей, которая иногда попадает в цель, а иногда нет. Конечный результат Божьего обучения — это участие в святости Бога, что, по сути, является исполнением Божьего предписания, лежащего в основе кодекса левитских законов, быть святыми, как я свят. Автор завершает этот фрагмент увещания, добавляя развернутый парафраз известного изречения: корень образования горьк, но плод его сладок.

В этой максиме мы находим ключевые слова *paideia* для образования и *karpos* для плода, которые также довольно заметно появляются в Евреям 12, стих 11, еще более ясно сигнализируя адресатам о максиме, над которой он рассуждает. Всякая образовательная дисциплина, *paideia*, кажется в настоящее время не радостной, а скорбной, но позже приносит мирный плод, *karpos*, праведности тем, кто был обучен ею. Учитывая широкое признание истинности основополагающей максимы в древнем мире, слушатели с большей вероятностью примут применение этой максимы в качестве интерпретационной основы для своего опыта и, таким образом, примут призыв автора к постоянной стойкости посреди этого опыта.

Атлетическая метафора снова тонко вступает здесь со словом обучение, *gegumnasmenois*, которое является словесным отголоском *gymnasion*, гимназии, где будущие граждане греческого города-государства были как образованы, так и обучены для развития физической доблести и силы. Целью этих упражнений, которые слушатели претерпевают ради своей христианской приверженности, является, по мнению автора, формирование добродетели праведности или справедливости, *dikaiousune*, в его или ее душе и жизни. Это одна из четырех основных добродетелей, прославляемых в греко-римской этической философии, а также, конечно, основная добродетель, пропагандируемая в ветхозаветной библейской традиции.

Благодаря этим тренировочным упражнениям моральные способности верующих формируются и укрепляются, так что верующий учится тому, как всегда выбирать почитание Бога и почитать свои обязательства перед собратьями по вере, следовательно, поступать справедливо и праведно. Результатом их настойчивости станет формирование этой ценной ценности, этой ценной добродетели в их сердцах и жизнях, что позволит им жить как достойные граждане города, который Бог приготовил для них. Увещание, которое обращается к ним как к сыновьям и дочерям, призывает слушателей

смело обратиться к этим тренировочным упражнениям и пройти курс, который расширяет и укрепляет их приверженность праведности, а не уклоняться от такого обучения или считать его чем-то, чего следует избегать, а не принимать, — образ мышления, который очевиден среди тех, кто начал уклоняться от собрания христиан вместе.

Автор утверждает, что, напротив, враждебность их соседей на самом деле служит целям Бога, пока верующие отказываются поддаваться этому давлению, чтобы отказаться от своего благородного стремления. Таким образом, целесообразный курс, который сохраняет и увеличивает их честь, заключается не в том, чтобы избегать, а в том, чтобы принимать эти формирующие упражнения. Связь между воспитательной дисциплиной и обучением образует мост обратно к спортивному языку, который характеризует возобновление прямого увещевания в Евреям 12, 12 и далее.

Итак выпрямите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, чтобы хромлющее исцелилось, а не расшаталось. Здесь автор обильно опирается на язык Священного Писания, возобновляя прямое увещевание. Он напоминает язык Исаии 35, 3: укрепитесь опустившиеся руки и ослабевшие колени.

Исаия, в его контексте, поощрял слушателей на основе оракула божественного избавления относительно цветения пустыни и пути, который должен быть подготовлен через него, чтобы Бог мог вернуть искупленных Господом в Сион среди песнопений празднования. Так же, как Исаия поощрял своих слушателей укрепить свою решимость и возвысить свои надежды в виду предстоящего избавления Бога, так и автор Послания к Евреям побуждает новый народ Божий сделать то же самое в свете эсхатологического избавления, к которому Бог в настоящее время готовит слушателей. Они должны продолжить свой путь к небесному городу, где их ждет праздничное собрание, и автор вскоре продолжит, чтобы показать.

Они должны продолжать с поднятой защитой, поднятыми руками в позе хороших боксеров в их поединке против греха и их движение вперед непоколебимо. Он также приводит язык из Притчей 4, стих 26, где мы читаем: ступайте прямо и укрепляйтесь, выпрямляйте стези ваши. Контекст Притчей говорит о выборе путей праведных, а не злых, связь, которая могла бы привести автора, который был озабочен продвижением того, что он воспринимает как справедливый курс действий в ответ на божественного покровителя, а не несправедливый, чтобы включить этот текст в свое увещевание.

Для автора Послания к Евреям праведное хождение — это почти духовный аналог физиотерапии, которая исцеляет хромоу сустав с помощью тщательно направляемых и предписанных упражнений. Что составляет правильный путь?

Автор продолжает здесь, предлагая стремиться к миру со всеми и святости, без которой никто не увидит Господа. Наблюдая, чтобы кто не лишился даров Божиих, чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил беды, и чтобы многие не осквернились им, чтобы кто не был блудником или нечестивцем, как Исав.

В начале этих стихов автор вспоминает Псалом 33, стих 14, ищите мира и стремитесь к нему. Мирные отношения внутри христианской общины, конечно, жизненно важны, но автор также поощряет мирное расположение к посторонним, даже если у этих посторонних совсем другое расположение к самим христианам. 1 Петр уделяет гораздо больше внимания этой динамике во враждебной обстановке, не отвечая руганью на ругань или оскорблением на оскорбление, но скорее живя любезно в той мере, в какой это возможно, не нарушая того, что принадлежит Богу, таким образом, не идя на компромисс с основами ради мирной жизни.

Наряду с поиском мира проповедник возвышает важность поиска освящения, полной жизни в том состоянии святости, которое Христос открыл для них, когда освятил их, отделив их для их божественной судьбы. Здесь также можно отметить, что святость была результатом божественной дисциплины всего несколькими стихами ранее в главе 12, стих 10. Таким образом, поиск освящения или святости отчасти является повторением увещания терпеть божественную дисциплину и продолжать продвигаться вперед в этом процессе.

Видение Бога происходит, по мнению автора, когда верующий входит в присутствие Бога в последний день. Если они продолжают идти по этому пути стремления к миру и освящению, выдерживая формирующую дисциплину Бога с поднятыми руками и укрепленными коленями, они действительно придут к этой точке, чтобы увидеть Бога в конце. Поскольку автор продолжает, следя, чтобы кто-то из вас не лишился дара Божьего, он еще раз подчеркивает общую ответственность, которую разделяют все верующие, за настойчивость каждого отдельного верующего на пути к цели.

Каждый член общины обязан следить за тем, чтобы его или ее братья или сестры не были обмануты или уговорены остановиться перед входом в обещанный Богом покой, небесную родину, так же, как поколение Исхода не получило Божьего дара. Автор также призывает их следить за тем, чтобы в их среде не возникло корня горечи, через который многие могли бы оскверниться. Это увещание реконтекстуализирует Второзаконие 29, стих 17, особенно в переводе Септуагинты, где Моисей предупреждает людей из среды, которые отказываются соблюдать завет, но вместо этого прилепляются к своим идолам.

Такой человек действительно был бы корнем горечи, произрастающим, чтобы причинить неприятности. Проповедник применяет это к отступничеству

немногих, тех, кто отходит. Осквернение многих — это образный способ выражения разочарования и ослабления решимости, которые почувствуют те, кто видел, как их бывшие сестры и братья сдались в своем стремлении к этой гонке.

Затем автор переходит к немного более развернутому наставлению, основанному на примере Исава, и посредством этого примера автор надеется вбить последний гвоздь в гроб размышлений об отступничестве, будь то формальное отступничество или просто практическое отступничество, когда человек возвращается в объятия общества. Слушатели должны по-прежнему быть бдительными, чтобы кто-нибудь не был блудником или нечестивцем, как Исава, который ради одной трапезы продал свое право первенства. Ибо вы знаете, что позже, желая унаследовать благословение, он был отвергнут, потому что не нашел места для покаяния, хотя и искал его со слезами.

Это изложение истории Исава очень сильно напоминает предупреждение из Послания к Евреям 6, 4–8, в котором утверждается, что нет второго шанса вернуться к исходным воротам покаяния, так сказать. Исава не упоминается в Бытии, особенно как блудник, но традиции периода Второго Храма действительно рисуют образ Исава как сексуально безнравственного человека, особенно на основе его брака с хеттскими женами, который мы находим в Бытии 26, стихе 32. Возможно, автор использует здесь блуд как метафору неверности.

Метафорическое использование термина в Числах 14 стих 33, история о падении поколения пустыни на пороге Ханаана, которая так заметно фигурирует уже в проповеди евреям, поддерживает такое понимание. Там Бог постановил, что люди будут терпеть свой блуд, пока их тела не будут истощены в пустыне. Безбожие Исава или мирское мышление проявляется, когда он показывает, что он слишком легкомысленно оценивает Божьи обещания и благодеяния, представленные здесь его первородством как сына Исаака, сына Авраама, выбирая временное облегчение от непосредственных тягот голода вместо лучших и вечных благ, которые могли бы прийти ему на ум.

Пример Исава служит контрастом к прошлому примера самого сообщества, к примерам Моисея, мучеников или Иисуса, все из которых продолжали терпеть временные трудности, некоторые в крайности, ради большего блага, обещанного Богом. Таким образом, автор вводит стратегическую аналогию с помощью примера Исава. Блага общества являются наградами Бога, как миска чечевичной похлебки является первородством.

Плохая оценка Исавом относительной ценности и преимущества еды по сравнению с его первородством запятнала его память на протяжении тысячелетий, оставив его нелепым антипримером оценки выбора мудро и

добродетельно. Таким образом, адресатам предлагается ясно подумать о своем собственном выборе, чтобы избежать проявления той же глупости, продавая свое вечное первородство за несколько десятилетий мира и безопасности среди своих неверующих соседей. Создавая свое представление примера Исава, автор Послания к Евреям объединил некоторые элементы, чтобы сделать свое представление еще более эффективным для пастырских нужд, с которыми сталкиваются его слушатели.

В эпизоде Бытия 25, стихи 29-34, Исав осознавал, что он продал свое первородство, свое право на большую долю как старшего сына. Однако в более позднем эпизоде Бытия 27, стихи 30-36, Исав не показывает никаких признаков того, что продал свое первородство как первенца, а также продал благословение, которое должно было прийти к нему, когда его отец Исаак был при смерти. Действительно, Иакову пришлось пойти на некоторые ухищрения, чтобы обмануть Исаака и заставить его дать ему благословение, которое также достается первенцу, и Исав не показывает никакого осознания того, что он не должен получать благословение из-за своей прежней сделки с братом много лет назад.

Однако автор Послания к евреям смешивает первородство и благословение, чтобы сделать Исава более ярким примером невозможности вернуть то, что ранее обесценилось и было выброшено. Таким образом, отказ от своих прав первенца много лет назад имел последствия для оставшейся жизни Исава. Второго шанса вернуть то, что он потерял, как он стоял у смертного одра Исаака, как бы не было.

Те, кто читал историю из Книги Бытия, несомненно, найдут сцену Исава перед отцом Исааком весьма плачевной, когда он со слезами умолял отца. Отец, неужели для меня не осталось благословения? Это создает у слушателей Послания к евреям яркое впечатление от того, что жребий брошен, хотя теперь уже по совсем другой причине. Это именно тот образ, который автор хочет связать с последствиями обмена мира с Богом на мир с обществом.

Подобно Исаву, те, кто отвергает Божьи дары и Божьи обещания, не найдут места для покаяния. Само покаяние — это Божий дар, который можно даровать или отнять. Это учение не является уникальным для автора Послания к Евреям.

Нечто подобное мы находим в Премудрости Соломона, где само покаяние является даром Божиим людям, и они не могут достичь покаяния, если Бог не дарует его. Таким образом, автор снова подчеркивает, что действительно опасно предполагать Божью милость, оценивая ее слишком легкомысленно. Пример Исава, таким образом, сильно подкрепляет предостережения, особенно в 648 и 1026 и далее.

Те, кто получил Божьи неоднократные благодеяния, а затем отбросил их, не могут ожидать никакой ответной милости, никакого второго шанса снова начать этот путь, так же, как Исав обнаружил, что в конце не было никаких шансов исправить ущерб, который он нанес в своих отношениях с Богом. Автор продолжает свои увещания упорствовать, описывая разницу между тем, как люди, как известно, приближались к Богу в Ветхом Завете, и гораздо более праздничным, привлекательным, гостеприимным способом, которым люди приглашаются приближаться к Богу теперь, когда вступил в силу Новый Завет, ибо вы не приблизились к чему-то осязаемому и горящему, к огню и тьме, и мраку, и вихрю, и к звуку трубы и к гласу словесным.

Слышавшие этот звук умоляли, чтобы речь не была продолжительной, ибо они не могли вынести повеления. Если даже животное коснется горы, оно будет казнено побитием камнями. Действительно, столь ужасным было явление, что Моисей сказал: я боюсь и трепещу.

Но вы приблизились к горе Сиону и к граду Бога живого, к небесному Иерусалиму, и к сонму ангелов в праздничном гимне, и к собору первенцев, написанных на небесах, и к Богу, Судии всех, и к духам праведных совершенных, и к Иисусу, Ходатаю нового завета, и к крови кропления, говорящей лучше, чем Авелева. Слово для, по-гречески *gar*, указывает на то, что автор представляет эту пару контрастных образов как обоснование для принятия и внимания к увещаниям автора. Преимущества, которыми они наслаждаются, требуют, чтобы они продолжали стремиться вперед к этому беспрецедентно радушному и прекрасному приему, который Бог приготовил для них.

Контраст между двумя подходами к Богу не мог быть более выраженным. Первый имел место в материальном мире, а второй — в постоянном невидимом мире. Первый был отмечен страхом и окружен табу чистоты, которые влекли за собой суровые наказания.

Вторая часть отмечена праздничным поклонением Богу. Автор объединяет множество образов в короткий цикл, чтобы произвести на слушателей кумулятивное воздействие, выходящее за рамки индивидуального значения каждого отдельного компонента или подробного анализа таких деталей. Первая половина этого отрывка широко опирается на рассказы об опыте встречи с Богом на Синае, особенно в Исходе 19 :12-19 и Второзаконии 4:11-12.

Глагол «подойти» здесь, в вы подошли, является другой формой того же глагола, который был замечен на протяжении всей проповеди, поскольку автор призывал слушателей продолжать приближаться. Его повторение здесь обеспечивает своего рода суммирование этих приглашений на протяжении всей проповеди. Автор отрицает пугающий подход, ограниченный табу, которые

явно запрещали людям и животным даже прикасаться к горе, куда спускался Бог.

Предвещающий мрак, ужасающие звуки, голоса, ничто из этого не является частью нового подхода слушателя к Богу, который открыл Иисус. Признание Моисея в страхе здесь на самом деле появляется только позже, в главе 9 Второзакония, и автор, по общему признанию, вырывает его из контекста. Первоначально оно относилось к трепету Моисея относительно гнева Божьего после инцидента с золотым тельцом, который произошел гораздо позже теофании, божественного явления при даровании закона на горе Синай.

Теперь это стало краеугольным камнем представления автора о страшном и ограниченном доступе к Богу, который был прорван для христиан Иисусом. Затем, сопоставляя эту ужасающую картину, созданную 12 стихами 18-21, автор представляет свое видение цели в конце христианского паломничества, которое теперь кажется еще более сияющим. Не гора Синай с ее террасой, а гора Сион с ее праздничной радостью ждет их в конце их путешествия.

Автор изображает это как сцену поклонения с праздничным собранием ангелов в небесной литургии. Не страшные и удручающие метеорологические явления окружают эту гору, но ангельские воинства, собравшиеся в панегирике, праздничной песне во славу правителя незыблемого царства. Здесь также собрание многочисленных первенцев.

В отличие от Исава, который отверг наследие первенцев, эти люди веры удержались и достигли получения своего вечного наследия, разделив наследие Иисуса, первенца *par excellence*. Тот факт, что их имена записаны на небесах, предполагает обычную практику внесения имен граждан в городской реестр. Они записываются как граждане в городе живого Бога и пользуются полным участием в правах граждан, к которым их подготовил их опыт формирующей дисциплины в этом мире.

То, чего искали люди веры, ныне мертвые, например, как автор рассказал нам в Евреям 11:13-16 об Аврааме и патриархах, ищущих город с основанием, город, основанный Богом, и то, к чему слушатели теперь сами готовятся, стоит перед ними в этом привлекательном образе города Божьего, нового Иерусалима. Бог присутствует на этом празднике как судья всех, напоминая слушателям о превосходящей важности оценки Богом их жизни по сравнению с любым другим судом репутации, таким как суд их соседей. Духи совершенных праведников - это фраза, которая помогает прояснить значение совершенства или сделать совершенным во всем Послании к Евреям.

Эти праведники совершенствуются в том, что они наконец вошли в присутствие Бога, сами отправившись туда, куда Христос отправился как предтеча. И

ветхозаветные люди веры и новозаветные люди веры совершенствуются вместе, как мы читаем в Евреям 11, 39-40, поскольку все собраны вместе в непоколебимую сферу и град Божий. Также здесь перед слушателями присутствует посредник нового завета, Иисус, чье священническое служение и приношение крови кропления сделали возможным их вход в реальное присутствие Бога.

Эти образы напомним центральную экспозицию проповеди. Кровь Иисуса здесь неувовимо говорит о лучшем слове, чем кровь Авеля. Кровь Иисуса, конечно, говорит о прощении и принятии Богом, в отличие от крови Авеля, которая зывала к справедливости и мести.

Евреям 12:18-24 представляет благо, которое находится в надежном владении слушателей, если они продолжают упорствовать в своей новой совместной жизни во Христе. Это неявное обращение к теме целесообразности или преимущества, поскольку слушатели будут обеспокоены сохранением этих нынешних преимуществ и не будут, действуя глупо, менять такую милость на гнев. Следующий раздел, Евреям 12, стихи 25-29, вернется к таким обсуждениям явно.

Автор представляет образ, который предполагает, что впереди их не ждет ничего, от чего им нужно было бы отступить, поскольку он опасается, что некоторые могут продолжать делать это, если будут учитывать только давление, которое оказывают на них их соседи. Напротив, впереди ликующее празднование в небесном городе, в компании Иисуса, их посредника, и всех праведников, собранных вместе в их последнем доме, призывая их продолжать свое движение вперед к совершенству. Контраст произнесенного слова на Синае и лучшего слова с небес также установил последнее предупреждение в Евреям 12, 25, последний аргумент от меньшего к большему, который очень близко соответствует аргументу от меньшего к большему, который начал первое увещание проповеди в главе 2, стихи 1-4. Берегитесь, чтобы вам не отворотиться от говорящего с вами.

Ибо если те люди не избежали, отвергнув увещающего их на земле, то насколько же больше не избежим мы, отвернувшись от единого увещания с неба, глас которого потряс землю в то время, а ныне обещал, говоря: еще раз потрясу не только землю, но и небо. И это еще раз означает удаление шаткого как того, что было создано для того, чтобы пребывать непоколебимому. Поэтому, принимая непоколебимое царство, проявим благодарность, посредством которой будем поклоняться Богу так, чтобы Ему было угодно с благоговением и трепетом, ибо Бог наш есть огонь пожигающий.

Тот, кто предупреждал их на земле, мог бы быть услышан как Моисей, представитель Синайского завета, если бы не следующий стих, который,

кажется, предполагает, что Бог является источником обоих предупреждений. Сказано, что голос Бога потряс землю на Синае. Голос Бога потряс землю в то время.

В Судьях 5, стихах 4-5, и в Псалме 67, стихе 8, землетрясение как ответ на голос Бога является частью памяти о том событии на Синае. Теперь автор представляет Аггея, главу 2, стих 6, как божественного оракула для сообщения о решающем сотрясении и перемещении как земли, так и неба. Но однажды и навсегда Я потрясу небо и землю.

Автор изменил этот текст Аггея, чтобы подчеркнуть включение неба в это будущее потрясение вместе с землей. Таким образом, автор добавляет слова не только к своей цитате, но и меняет порядок неба и земли, чтобы сделать контраст более очевидным, а потрясение неба более заметным и кульминационным. Первые два слова декламации, по-гречески слова *eti harax*, по-английски три слова только еще раз, дают ключ к этой интерпретации этого стиха.

Поскольку Бог потрясет землю и небеса *harax*, раз и навсегда, а не просто снова, автор читает это как обещание решающего эсхатологического потрясения и удаления видимого творения, как земли, так и видимых небес. Здесь можно вспомнить противопоставление автора временной природы видимого материального мира и вечной природы Бога и Божьего мира, представленное еще в начале главы 1, стихи 10–12. Все сотворенное и колеблемое будет удалено, чтобы то, что непоколебимо и только это могло остаться.

Здесь снова проявляется своеобразная эсхатология автора. Небо и земля не обновляются, и грядущий век не начинается после окончания настоящего века. Скорее, Царство Божие уже существует за пределами материального и видимого творения, и оно просто будет всем, что останется после устранения временного вторичного тварного порядка.

Быть и оставаться частью христианской общины необходимо для выживания, что, возможно, является одной из причин того, что автор рассматривает спасение как то, что верующий собирается унаследовать в главе 1, стихе 14, как дар, который полностью принимается только при втором явлении Христа в Евреям 9, стихе 28. Избавление от материального мира, который должен быть разрушен, и вход в пребывающую сферу, которая одна переживет потрясение, — это избавление, спасение, которое, в конечном счете, имеет наибольшее значение для этого автора. Удаление вещей, которые должны быть потрясены, соответствует удалению первой камеры, которая блокирует доступ к святому месту; если мы вспомним здесь обсуждение автором физической планировки скинии в главе 9, стихах 9 и 10.

После этого эсхатологического потрясения и удаления видимых небес путь в божественное святилище станет очевидным, и клиенты сыновей, многочисленные сыновья и дочери, будут введены. Это ожидание подкрепляет последовательное обесценивание автором мирских владений, мирского гражданства и мирского статуса. Все подобные вещи гарантированы Божьим обещанием уйти, и только лучшие владения верующего в Божьем царстве останутся.

Единственный правильный ответ на желание Бога даровать столь великолепный дар верующим людям — это проявить благодарность. Греческое слово здесь — *echomen charen*. *Charen* от *charis*, которое мы склонны переводить как благодать, здесь должно означать благодарность, поскольку автор предлагает это увещевание как подходящий ответ на получение дара, а именно непоколебимого царства.

Призыв к благодарности и к стойкости в благодарности является сутью аргументации и увещевания автора на протяжении всего Послания к Евреям. Огромность даруемых Богом благ, вечная родина, в которой бенефициары будут зачислены в качестве граждан, требует пропорциональной приверженности жизни с благодарностью. Эта благодарность будет выражаться через поклонение Богу с благочестием и благоговейным страхом способами, которые угодны Богу.

Здесь мы встречаем еще одно слово, построенное на основе *euarest*, здесь *euarestos*, хорошо, приятно. Это была группа слов, которая была введена в Евреям 11, стихи 5 и 6, где *pistis*, твердое доверие или вера, утверждались как предпосылка для угождения Богу. И тот же термин вернется позже в главе 13, стихи 16-21.

Эта словесная связь между 12:28 и более поздними стихами в главе 13 сигнализирует о том, что 13 1 по 21 разовьет картину того, как выглядит благодарность Богу с точки зрения повседневной деятельности, делиться друг с другом и делать добро друг другу в верующей общине и участвовать в той взаимной поддержке, которая делает возможным сопротивление нападкам общества и которая также продолжает признавать благодеяние Бога. Призывая слушателей быть благодарными, автор напоминает им, что то, что они приобрели, намного больше того, что они потеряли. Возможно, те, кто колеблется в своей вере, чувствуют себя побежденными.

Они скорбят о перенесенных потерях и ежедневных напоминаниях об этой потере. На протяжении всей проповеди автор останавливается на том, что верующие имеют вместо этого, что они приобрели благодаря своей связи с сыном, приобретения настолько велики, что потери кажутся незначительными по сравнению с ними. Евреям 12:29 завершает абзац подходящим образом Бога

как огня поядющего, образом, взятым из Второзакония 4:24, где мы читаем: Бог ваш есть огонь поядущий.

Этот образ усиливает предостережение 12:25, а также напоминает предостережение главы 10, стихи 26–31, где неблагодарный сталкивается с перспективой яростного огня, готового поглотить противников. Евреям 12, стихи 28–29, вкратце повторяет пастырский прием автора на протяжении всей проповеди, используемый для подкрепления его предписания оказывать Богу почтительное и благочестивое служение и таким образом проявлять Богу благодарность, которой он заслуживает, а именно, за рассмотрение как величины Его щедрости, с одной стороны, так и за рассмотрение опасности Его суда над теми, кто несправедливо относится к Нему и Его дарам, с другой стороны. Автор продвигает свои риторические цели для слушателей несколькими важными способами в Послании к Евреям 12:4–29, дополняя интерпретационную линзу спортивных соревнований, которую он ввел в качестве основы для размышлений об их опыте в Послании к Евреям 12:1–3. Автор добавляет интерпретационную линзу формирующей Божьей дисциплины, превращая трудный опыт и трудности в доказательства почетного принятия в Божью семью и возможности для формирования характера.

Используя эту линзу, автор побуждает слушателей продолжать встречать эти переживания лицом к лицу, как достойный путь, по которому нужно идти, а не изнурительный путь. Они начинают видеть, что их опыт трудностей показывает, что Бог формирует их больше, чем общество, которое их стыдит. Видение небесного Иерусалима, которое развивает автор, является манящим приглашением для слушателей продолжать приближаться и двигаться вперед вместе по путям верности Иисусу.

В конце концов, им нечего бояться, кроме праздничного приветствия в их вечном наследии. Своим последним предупреждением и космологическим обоснованием этого предупреждения автор снова очень, очень ясно представляет слушателю то, что, по его мнению, является всеобъемлющим вызовом, к которому слушатели должны подготовиться и который слушатели не смеют не принять. Это не вызов продолжать жить всю оставшуюся жизнь в обществе, не оказывающем поддержки, а вызов встретить и пережить эсхатологическое потрясение небес и земли, чтобы не разделить судьбу временного космоса, а войти в вечный дом, который Бог приготовил для тех, кто проявит свою преданность.

Ближе к концу этой главы автор довольно явно вернулся к своему призыву к благодарности, основной ценности, которая объединяет большинство как его увещаний, так и его предупреждений слушателям, стремящимся внушить им, что благодарный ответ Богу должен направлять их размышления в любых обстоятельствах, в которых они оказываются. Когда мы размышляем о том, как

приспособить эту главу к нашему собственному ученичеству и формированию наших общин веры, мы должны быть внимательны к тому, как содержание Евреям 12 5-11 подвергалось критике со стороны современных ученых и толкователей. Некоторые читают этот отрывок как представление жестокого родительства как одобренного Богом или как оправдание домашнего насилия, или они критикуют его за интерпретацию страдания как заслуженного наказания.

Все это может быть верно для текста Притчей, который читает автор, но ничего из этого не верно для собственного применения этого текста автором в этом отрывке. Автор Послания к Евреям замалчивает те аспекты текста Притчей, которые говорят о карательной дисциплине, двигаясь вместо этого в направлении формирующей дисциплины. Он также ничего не говорит о том, что трудности, которые испытывают слушатели, являются их собственной виной.

Эти трудности являются результатом скорее враждебности грешников людей, которые противятся Богу и не подчиняются Божьей воле. Для толкования и применения этого отрывка важно понимать, какие страдания имеет в виду автор. Он не говорит о болезни или недуге как таковом, о домашнем насилии, о бедности или о подчинении репрессивному режиму.

Он говорит, в частности, о порицании, оскорблении, злоупотреблении и лишении, которые терпели и охотно переносили верующие в результате их связи с Иисусом и народом Божьим и в результате их обязательства оставаться верными и послушными этим Божьим заповедям. Проблематично пытаться применить этот отрывок вне первоначального пастырского контекста автора. Этот отрывок предлагает ободрение, особенно преследуемой церкви в репрессивных условиях, где исповедание веры, мы собираемся вместе с христианской группой и формируем свою жизнь в соответствии с заповедями Божьими и требованиями Евангелия, что приводит людей к конфликту с их принимающим обществом.

Это обстановка, которая очень похожа на обстановку, к которой обращается автор, и поэтому интерпретируется автором с помощью этого образа формирующей дисциплины. Конечно, это остается ободрением для христиан в любой обстановке, когда исполнение того, что желает Бог, означает самоотречение и принятие трудностей и лишений ради верного послушания Богу. В Евреям 12, стихи 12-17, автор дает нам еще одно напоминание о наших обязанностях друг перед другом в вере.

Он снова призывает нас преодолеть, возможно, ограничения, наложенные на нас приватизацией или индивидуализацией религии нашим обществом, чтобы продолжить открывать вместо этого, как инвестировать себя в то, чтобы наши братья и сестры не были лишены даров Божьих, даже если мы позволяем им

помогать нам оставаться на верном пути и продолжать двигаться вперед. Пример Исава продолжает бросать нам вызов во многих контекстах, в которых мы можем обнаружить, что обмениваем свое первородство как сыновей и дочерей живого Бога на то, что пропорционально является одной едой. Пример Исава противостоит христианам во враждебных или репрессивных странах довольно прямо, очень часто, как автор противостоит своим собственным слушателям, вдохновляя их, что даже десятилетия жизни и комфорта ничто по сравнению с сохранением целостности своего преданного послушания Богу.

Таким образом, уступка даже очень серьезным репрессиям равносильна продаже своего первородства за эквивалент одной порции еды. Однако пример Исава также противостоит христианам в западных странах, где христианство в значительной степени приручено, чтобы стать безобидной, частной и принципиально неактуальной религией, которую можно спокойно терпеть, поскольку она никогда не мешает обычному ведению дел. Автор бросает нам вызов, чтобы мы спросили, не продали ли мы свое первородство, купившись на одомашненное ученичество. Создали ли мы Бога, который служит нашим нуждам, когда мы в нем нуждаемся, вместо того, чтобы искать Бога, который призывает нас служить ему и его видению для нашего сообщества, нашей страны и мира? Создали ли мы спасителя, который любит и заботится о нас, но довольствуется тем, что позволяет нам преследовать наши собственные цели и амбиции, вместо того, чтобы следовать его призыву к нам служить его целям? Пример Исава побуждает нас задаться вопросом, как часто наш выбор отражает нашу жажду Бога, нашу любовь к Богу, наши желания быть Божьими инструментами в этом мире, и как часто наш выбор показывает предпочтение вместо этого тривиальным развлечениям и занятиям этого мира. Наконец, возвышение автором благодарного ответа Богу в конце этой главы говорит нам, что благодарность является основной ценностью, которая имеет потенциал привести интеграцию в нашу жизнь.

Автор вкладывает значительную энергию в эту проповедь, чтобы мы все больше и больше осознавали то, что мы получили от Бога, заменяя наше чувство права, наши представления о том, что мы заслужили то, что имеем, наше ненасытное желание большего количества благ или развлечений этого мира или отвлечений на понимание того, как глубоко мы были благословлены, облагодетельствованы и обогащены Богом. И он делает это, чтобы побудить нас вкладывать себя искренне в то, чтобы справедливо отплатить Богу за его щедрость. Свидетельство, послушание, служение, забота о тех, о ком Бог хочет, чтобы мы заботились, расширение Божьего охвата от имени Бога как благодарные клиенты Бога, поиск любой возможности прославить и послужить интересам нашего великого покровителя.

Эти вещи формируют повестку дня, которая приносит целостность в каждую часть нашей жизни, и обязательство проявлять благодарность Богу становится

основной ценностью, которую мы стремимся воплощать в каждой ситуации. Мы делаем это и потому, что он не заслуживает от нас меньшего, и потому, как напоминает нам автор, что наш Бог действительно есть огонь пожигающий. Автор призывает нас отказаться от небиблейского взгляда на спасение как на дар без всяких условий, которым мы можем наслаждаться, преследуя собственные интересы в течение нашей жизни, и вместо этого принять библейский взгляд на спасение как на конечный результат продолжающегося танца между Божьей милостью и благодеянием и моей отзывчивостью, почитая Божьи дары, как того заслуживает Бог, и отдавая себя Божьим интересам, как Бог отдал себя мне.

Бог, который дал нам нашу жизнь, наше имущество и нашу вечную надежду, и Спаситель, который умер за всех и воскрес ради них, заслуживают полного выражения нашей благодарности, поскольку мы посвящаем свою жизнь тому, чтобы жить не для себя, а для Иисуса, который умер за нас и воскрес, что сам Павел определяет как цель смерти Иисуса за нас во 2 Коринфянам 5, стих 15.